

Лошадиная доза

Автор:

Евгений Сухов

Лошадиная доза

Евгений Евгеньевич Сухов

Я – вор в законе

20-е годы прошлого века. В Москве происходит серия жестоких убийств. Следователи МУРа сбились с ног в поисках преступника. Выйти на его след помог случай. Опователи заметили, что все жертвы связаны узлами, которыми пользуются лишь извозчики или торговцы лошадьми. На лошадином базаре сыщикам удалось найти человека, видевшего, как маньяк общался с одной из жертв. Оперативники разрабатывают новую версию, еще не предполагая, что появившаяся зацепка выведет их на страшный «семейный подряд», руководит которым бывший служащий НКВД...

Евгений Сухов

Лошадиная доза

© Сухов Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1. Несостоявшаяся сделка

На конном рынке в Замоскворечье народу было немного: не те нынче настали времена, чтобы на лошадиных базарах яблоку негде было упасть. А ведь еще недавно на Конной площади было и пешему не протолкнуться. А сейчас – знай погоняй повозку без брани и скандала! Подъезжали барышники всех мастей, конокрады едва ли не со всех волостей России, крутились цыгане, знающие толк в лошадях; крестьяне подмосковных сел, мещане, решившиеся открыть свое дело, немало было заводчиков и купцов, собирающихся завести собственный выезд, цивильные и военные «их благородия» вплоть до генеральских чинов... А уж лошадок тут всяких выставляли – просто глазоньки разбегались! Упряжные, ломовые, скаковые лошади вороной, гнедой, серой, рыжей мастей. А то и пегие, соловые, булановые, чубарые и – язык сломаешь – изабелловые; ахалтекинской породы, которой, сказывают, аж пять тысяч лет, ежели не более! Окрас этот немногим темнее топленого молока и достаточно редкий, переливчатый, чисто ангельский, ну просто загляденье! А если еще глаз у лошади голубой или янтарный, так это, как есть, царская порода. И цена ей тоже, надо признать, устанавливалась царская. Но ныне лошадок немного, выбор скуден, а все потому, что животину нужно кормить, а на какие шиши, спрашивается, ежели пуд овса немалые тыщи стоит. Так что его четырехлетняя гнедая Авоська, почитай, лучшая будет на всем базаре! А на такую покупатели всегда отыщутся, невзирая на тяжкие времена...

Василий Иванович Комаров усмехнулся, оглядывая двух соседних тощих лошадок – кости да шкура, – норовящих все прилечь да и околеть прямо тут, у хозяйских ног. Ежели их откормить, то лошадки, возможно, и будут справными пристяжными. Только вот вопрос: где взять фуражное зерно и на какие шиши, ежели самому хавать нечего? Видно, держать лошадей хозяину стало невмочь, вот он и решил их продать и выручить за них хоть какие-нибудь деньги на собственный прокорм. Ага, он, оказывается, еще и сбрую продает. Или все-таки меняет? Пойти спросить, что ль, пока покупатель не подошел?

– Почем сбрую торгуешь, хозяин?

– За два мешка картошки отдам, – последовал быстрый ответ.

Комаров кивнул, пошел дальше. Цена показалась высокой.

– Ну, хошь, за полтора отдам, – слышалось ему вслед. Но он не обернулся. Не тот торг, чтобы шеей вертеть.

Какое-то время Василий Иванович постоял у древнего ломового мерина, видно, прожившего не только свою жизнь, но и доживавшего чужую, почти со съеденными кривыми зубами, потрепал его ласково по холке. Малость взгрустнул, гляючи на печальное зрелище. Мерин стоял как изваяние, уставившись в одну точку. Все происходящее его ничуть не интересовало.

- Хорошая у тебя кобылка, - не без зависти произнес хозяин мерина, оглядывая лошадь Комарова.

- Да, хорошая, владимирских кровей. И пашпорт на нее имеется, все как полагается, - охотно согласился Комаров. - Не какая-то там краденая.

- Торгуешь кобылку-то? - поинтересовался хозяин мерина, мужичок лет сорока.

- Торгую, - доброжелательно ответил Комаров.

- Может, махнем? - повел подбородком на мерина мужичок. - Я тебе мерина свово отдам, да в придачу три фунта сахару прибавлю и крупы пшенной с полпудика.

- Ага, - криво усмехнулся Василий Иванович, и его доброжелательство мигом сошло на нет. - На хрена мне твой мерин сдался. Ему небось годков тридцать с гаком будет?

- Пошто это тридцать-то? Да еще с гаком? - обиделся за мерина его хозяин. - Что ты такое говоришь? Ему двенадцать годочков всего-то.

- Расска-азывай, - ехидно протянул Комаров и с усмешкой повторил: - Двенадцать годочков... Я, чай, в лошадях соображаю. Три десятка твоему мерину, не меньше. Его самое время на живодерню наладить, иначе не сегодня завтра по старости лет сам околеет.

- Это ты скорее околеешь, - в обиде огрызнулся мужичок.

Комаров на такой выпад никак не среагировал, только усмехнулся снова и демонстративно сплюнул.

- Торгуешь кобылку? – раздался вдруг за спиной чей-то голос.

Комаров повернулся и молча оглядел незаметно подошедшего мужика. Был он широк в кости и неопределенного возраста. Ему можно было дать лет сорок, уж слишком длинной и густой была его борода, а вот лицо гладкое, без единой морщины, каковое замечается только у молодых людей, и руки сильные, привыкшие к работе. Одет он был в чистую рубаху с суконной поддевкой, малость ношенную, но еще справную, на голове – картуз с лаковым козырьком. И сапоги... Мечта, а не сапоги: смазные, юфтяные и с набором. Таким сапогам сносу не будет до скончания века. Ежели на совзнаки считать, так тыщ восемьсот потянут, никак не меньше, а то и весь мильон.

- Ну, торгую, – неспешно и со значением ответил Комаров, продолжая изучать незнакомца и прикидывая: потянет ли цену?

- И почему? – последовал новый бесхитростный вопрос.

- Это смотря какими деньгами расплачиваться будешь, – осторожно ответил Василий Иванович, сообразив, что наклеывается покупатель, и повел свою кобылу в сторонку, подальше от чужих ушей. За ним двинулся и незнакомец.

- А какими тебе надобно? – спросил мужик. – У меня всякие имеются.

- Вся-акие, – нарочито недовольно проворчал Комаров. И добавил тоном человека, которого за понюшку табаку не проведешь: – Мне всякие-то без надобности. Ты учти, мил-человек, совзнаками прошлого и позапрошлого годов я не возьму, со всем моим почтением, – предупредил он.

- А чем возьмешь? – снисходительно посмотрел незнакомец на Комарова.

По всему было видно, что деньги у мужика в суконной поддевке и картузе водятся, и, видать, немалые. А такие люди нынче на базаре большая редкость. Да и сытая ухоженная комаровская кобылка ему весьма приглянулась.

- Новыми возьму, – твердо ответил Василий Иванович. – Червонцами.

– Ну, червонцами так червонцами, – согласно кивнул мужик в картузе с лаковым козырьком. – Нам в хозяйстве справная лошадь ох как надобна! До войны у нас четыре лошади да мерин работающий были, а на сей день одна-разъединственная кобылка осталась, и ту местный ревком едва не забрал на мобилизацию. Бате едва ли не в последнюю минуту удалось ее огородами в лес увести. Посевную нынче с грехом пополам еще одолели, а тут после разрешения свободы торговли батя с дядькой моим торговлишку бакалейную завели, так с одной лошадкой несподручно стало справляться. Война-то, чай, закончилась, на ноги вставать надобно, жить начинать...

Мужик замолчал.

– Воевал, стало быть? – нарушил молчание Комаров.

– А кто ж ноне не воевал-то? Воевал, конечно. Супротив Деникина на Южном фронте. Командиром взвода даже побывать пришлось. Недолго, правда.

– Да? – оживился Василий Иванович. – Я тоже, брат, на Южном фронте воевал. Сам по доброй воле в Красную Армию в семнадцатом году записался, поскольку мобилизации уже не подлежал по возрасту. В то время мне ведь уже полных сорок восемь годов было. Поначалу рядовым служил, а когда грамоте выучился – взводным меня сделали. Уважало меня начальство. – На обросшем щетиной лице Комарова появилась улыбка. – Благодарности имею от самого товарища Сокольникова. Он и грамотку мне вручал за отличия в борьбе супротив предателей революции и дезертиров. Я их в расход пускал самолично. На стенке в доме моем на самом видном месте тая грамотка висит. Я и рамку для нее дубовую смастерил. Потом в девятнадцатом году в плен попал: едва в расход меня беляки не пустили. Спасло то, что чужой фамилией назвался, рядовым Комаровым. А так-то меня родители Василием нарекли. А тебя?

– Семеном, – ответил покупатель.

– Не местный? – как бы невзначай спросил Комаров, глядя поверх его головы.

– Не, не местный, – ответил Семен. – Из поселка Сафарина, семьдесят верст отсель будет.

– А я вот местный, – не без гордости заявил Василий Иванович. – Три года уже как в столице расейской проживаю... Вот, стало быть, и знакомцами мы сделались. Да еще на одном фронте воевали. Получается – однополчане мы. А не выпить ли нам, Семен, по такому поводу? Я угощаю!

Предложение Василия Семену очень понравилось. Крестьяне на деньги, известное дело, народ прижимистый, а тут угощение бесплатное само собой вырисовывается, как мимо пройти? Это ж несусветной глупостью будет, коль от выпивки добровольно отказываться. Да и однополчанина уважить не грех. Только вот дело сначала надо сделать...

– А как же кобылка твоя гнедая? Продаешь ее мне аль нет? – задал резонный вопрос Семен.

– Почитай, что уже купил, – твердо посмотрел на него Комаров. – Нешто два красных командира обчего языка меж собой не отыщут? Ведь для меня главное что? – Он поднял полусогнутый указательный палец вверх. – Чтобы в хорошие руки ладушку мою определить.

– Так ты сколь за нее просишь-то? – стал проявлять нетерпение Семен, которому хотелось поскорее уладить дела, отметить покупку, угоститься, коли приглашают, и отправиться домой со столь выгодным приобретением.

– А сколь дашь, столь и ладно будет, – отмахнулся Василий Иванович. – Я с фронтовиков деньгу не деру, не то что иные прочие. Ну что, пошли?

– Куда? – не понял Семен.

– Да ко мне, – просто ответил Комаров. – Я тут недалече живу, на улице Шаболовке. Дом у меня собственный. Купил за сущие гроши. Повезло! Люди из НКВД помогли, когда я после фронта в транспортном отделе Центрэвака служил... под началом самого товарища Александра Владимировича Эйдука. – Он посмотрел на Семена, ожидая, что сказанное произведет на него впечатление, но тот только сморгнул: что такое Центрэвак и кто такой товарищ Эйдук, он явно не ведал. Деревенщина, одним словом! – Ну, это Центральное управление по эвакуации беженцев и пленных Наркомата внутренних дел. А товарищ Эйдук Александр Владимирович – видный чекист и председатель Центрэвака... Да ты не тушуйся, – после недолгой паузы произнес Комаров, видя,

что последние его слова произвели на Семена впечатление. – Теперь, после закрытия Центрэвака, я на вольных хлебах. Извозом занимаюсь. И в НКВД более не служу...

– Да я и не тушуюсь, – не очень уверенно проговорил Семен и спросил: – А пошто ты, Василий, кобылу-то свою продаешь, коли говоришь, что извозом занимаешься?

– Так я не столь давно жеребца-трехлетку приобрел, – как-то суетно и быстро ответил Комаров. – А две лошади мне без нужды: пахать-сеять мне-ить не надобно. Так что, идем ко мне-то?

– Ну, идем, – согласился Семен.

Идти и правда было недалеко. Выйдя на Шаболовку и уже подходя к дому, Комаров как-то механически и словно заученно, как какой-нибудь школьный стих, произнес:

– Кобылка моя владимирская, чистых кровей. И пашпорт на это имеется, не сумлевайся, все чин по чину. А сделки ноне надобно по закону свершать, дабы власть не раздражать и особливо не беспокоить господ-товарищей милицейских. И чтобы у тебя бумага была на покупку, а у меня, стало быть, на продажу. Иначе поведешь купленную кобылку по городу, а к тебе р-раз, и милицейский с вопросом: «А где ты, братец, кобылу взял?» – «Купил», – скажешь ты. «А документ, ну там, или купчую предъявите-ка! И пашпорт на нее где?» – потребует он. А никакого документа на кобылу у тебя, брат ты мой, и нету. Запросто ведь могут подумать, что лошадь твоя ворованная, стало быть, ты – самый натуральный конокрад. Ну и заберут тебя в кутузку без всяких разговоров, а лошадь отберут. И поди потом доказывай, что она тобою честно и за деньги приобретенная. Таков тутошний порядок, брат. Столица расейская, сам понимать должен.

Дома их встретила жена Василия, с длинным серым унылым лицом и потухшим взглядом. Она молча кивнула Семену на его «здрасте» и выжидающе уставилась на мужа. В другой комнате кто-то тихо разговаривал и копошился. Верно, дети.

– Проходи, Семен, располагайся, – произнес Комаров и отодвинул от стола стул с высокой спинкой. – А ты что стоишь? – строго обратился он к жене. – Закуски нам

сваргань. Живо!

Сам полез в шкаф, скрипнул дверцей и достал нераспечатанную бутылку водки. Торжественно сорвал сургуч, поставил на стол, сел.

Вернулась жена. Выставила на стол тарелку с солеными огурцами, вареный картофель в чугунке, квашеную капусту в металлическом блюде, зеленый лук на клочке газеты, соль в небольшой стеклянной миске и два граненых стакана.

– Ступай, погуляй с детьми покуда, – приказал ей Комаров, и она безропотно подчинилась.

Когда хлопнули в сенях двери, Василий Иванович разлил водку по стаканам, пододвинул поближе к гостю закуску:

– Ну что, обмоем нашу сделку?

– А сперва эту самую сделку надобно совершить, – заметил Семен, поглядывая на почти полный стакан водки.

– И то правда, – согласился Комаров. – Это мы сей момент. – Он отошел к комоду за спиной Семена и стал в нем рыться. – У меня и купчая загодя приготовлена, так что мы одним махом сделку оформим. Раз – и квас! – добавил он и мелко засмеялся. – А потом на базаре штемпель получим.

Какое-то время Василий Иванович усиленно копошился в комоду, что-то приговаривая. Семен безмятежно смотрел в окно и видел, как женщина с двумя детьми прошла в огород, держа третьего, грудного ребенка на руках. Когда хозяйка проходила мимо окон, то неожиданно повернулась и встретилась на мгновение взглядом с Семеном. Потом посмотрела выше его головы, и в глазах ее вдруг отразился нешуточный страх. Семен инстинктивно хотел обернуться, но сильный удар по голове не дал ему это сделать. Перед ним все вдруг мгновенно потемнело.

Навсегда.

Глава 2. Этапы черного пути

Отсмеявшись, Комаров достал из верхнего ящика комода тяжелый сапожный молоток и покосился на Семена. Тот сидел смиренно и от безделья пялился в окно. Комаров, крадучись, почти вплотную подошел к нему. В это самое время в окне показалась супружница Мария с детьми. Она глянула в избу, а потом подняла взор на Комарова. Тот нетерпеливо махнул ей рукой: ступай, мол, отседова.

Семен, очевидно, уловив за своей спиной какое-то движение или что-то почувствовав, стал поворачиваться. И тогда Комаров, размахнувшись, резко и сильно ударил гостя молотком по самому темечку.

Семен коротко ойкнул, тело его ослабло, и он, запрокинув голову назад, тихонько хрипя, стал сползать со стула. Комаров носком сапога небрежно придвинул к стулу рогожу, чтобы кровь стекала на нее, а не на пол, и, придерживая тело Семена, по-деловому накинуд ему на шею удавку и принялся душить. После чего снял удавку и бросил ее в верхний ящик комода, куда положил и сапожный молоток. Затем, подхватив убитого под мышки, плотнее усадил на стул, устроился рядышком сам и взялся за стакан с водкой.

– Ну, за упокой души новопреставленного Семена, – бесстрастно произнес вслух Комаров и выпил. Затем взял стрелку лука, макнул ее в соль и отправил в рот. Дождавшись, когда кровь из разбитой головы Семена перестанет капать на рогожу, первым делом стянул с трупа юфтяные сапоги. Оглядел их со всех сторон, довольно поцокал языком. Снял свои сапоги, давно протершиеся до дыр, брезгливо швырнул их в угол и надел сапоги Семена. Обувка пришлась точно впору. Комаров встал, прошелся в сапогах по комнате. Славно! Ноги как дома, будто не в сапогах, а в тапках войлочных. Хорошая да ладная обувка – это большое дело. А паршивая обувь всю жизнь может испоганить...

Затем Комаров стащил труп со стула, положил его на пол и стал раздевать. Снял поддевку, рубаху, портки, и не побрезговав исподним, – Софка постирает, – после чего перевернул тело на живот и стянул за спиной руки бечевой. Снова перевернул труп, согнул ему ноги в коленях, притянул колени к животу и в таком положении накрепко связал их веревкой, перекинутой через спину. Голову Семена, накинуд на нее веревочную петлю, Комаров тоже притянул к коленям и привязал веревкой. Потом сходил в сени и принес оттуда загодя

приготовленный пустой мешок из-под овса. Надел мешок сначала на голову, плечи и колени, затем полностью запихнул труп в мешок. Крепко связал его и волоком оттащил в кладовку. Действовал Комаров умело и быстро. Было видно, что ему это не впервой. На все про все ему понадобилось минут двадцать.

Закрыв кладовку, он вернулся в комнату, принял половину стакана, налитого для Семена, и закусил соленым огурчиком, после чего перешел к самому приятному: считать добычу.

Деньги отыскались во внутреннем потайном кармане поддевки, застегнутом небольшой булавкой. Извлек толстенную пачку, довольно усмехнулся, тщательно пересчитал: почти два миллиона совзнаков, что равно по нынешним временам где-то ста тридцати червонцам, да двести червонцев новыми. Это ж сколь гулять и есть от пуза можно? Вот это подфартило так подфартило!

Василий Иванович повеселел, долил водки в недопитый стакан и, выпив залпом, довольно крикнул.

В окошке показалась Мария. Он махнул рукой: заходи, дескать, дело сделано.

Мария вошла, предусмотрительно оставив детей в другой комнате. Не глядя на мужа, молча свернула окровавленную рогожу. Быстро замыла кровь, попавшую на пол, что ей, похоже, было привычно, так же безмолвно направилась к двери...

– Погоди-ка, – остановил ее Комаров. Женщина обернулась. – Вот, – протянул он ей несколько бумажек. – Как замоешь рогожу, ступай в лавку, купи там водки и пожрать чего-нибудь повкусней да побольше. Колбаски там разной, мяса какого... Гулять сёдня будем! Да, и ребятам купи что-нибудь из одежды, а то ходят как голодранцы. Потом пряников там, леденцов каких. Пусть тоже порадуются.

Мария безропотно кивнула и молча взяла деньги.

Поздно вечером они долго молились за невинно убиенного Семена. Комаров прилежно, едва не разбивая лоб, клал поклоны и так же усердно накладывал на себя один за другим крестные знамения. Правда, один раз Василий Иванович все

же оговорился и назвал Семена в молитвах мироедом. Но тут же, чтобы не прогневить бога поносными словами в адрес покойника, нарочито громко произнес:

- Прости меня, Господи!

Мария оставалась бесстрастной, делала то, что приказывал муж. Бездумно и машинально. Лампадка в красном углу едва освещала образ Божией Матери с Младенцем: лик Его был неразличим и темен. Еще более неясным был лик Николая Угодника в святительских одеждах и с приподнятой правой рукой, пальцы коей были сложены в двоеперстие. Видны были только его высокий лоб, собранный в морщины, и глаза, смотрящие на молящихся с великой печалью и укором...

Во втором часу ночи Комаров потряс за плечо уснувшую возле детей Марию:

- Все, выходим.

Женщина молча поднялась, повязала цветастый старый платок, отчего ее землистое длинное лицо сделалось совсем узким, и пошла за мужем. Они прошли в кладовку, вынесли мешок с телом во двор и положили его в пролетку меж сиденьем кучера и пассажирским. Кобыла, так и стоявшая не распряженной, почуяв покойника, дернулась и повела мордой.

- Тише, Авоська, тише, - негромко произнес Комаров и похлопал кобылу по крупу. Затем открыл ворота, вывел Авоську, закрыл их и приказал Марии:

- Садись!

Женщина села на мягкое сиденье боком, стараясь не касаться ногами мешка с трупом. Василий Иванович уселся на извозчичье место, и они поехали...

Мария стала ездить с мужем сравнительно недавно. Комаров брал ее с собой не за тем, чтобы она помогала ему избавляться от трупа (силенка у него еще имелась), а по причине меньшей подозрительности. Одно дело, ежели извозчик едет один и везет какой-то большой мешок неизвестно с чем (его и в краже можно заподозрить, а то и - не приведи Господь - в избавлении от трупа), и

совсем другое дело, ежели он везет припозднившегося седока, да еще женского полу. А мешок в ногах, так это так, ее пожитки. К примеру, он ее на новую квартиру перевозит, поскольку женщина вообще из города в деревню уезжает на постоянное проживание. Почему ночью едет? А чтобы уже к утру в нужное место поспеть. Да мало ли каких причин еще можно напридумывать. Главное, с женщиной-седоком подозрений меньше. И наука уже имелась: этой зимой был весьма неприятный случай, который мог для Василия выйти боком. А ежели сказать откровенно, так он мог попросту попасться...

Повез как-то Василий Иванович такой вот мешок до бывшего имения графа Орлова, чтобы там, значит, труп в сугробе прикопать. И везти-то совсем недалеко. Но только полквартила проехал, как вдруг услышал:

- Стой! - Милицейский будто из-под земли вырос. - Чего везешь?

- А ты сам пощупай, - осклабился Комаров.

Видя, что кучер нисколько не испугался, милицейский пощупал мешок и, ничего не сказав... отпустил его. Василий Иванович заметил за собой, что совсем не испытал страха. А ведь все могло закончиться ох как худо...

До Москвы-реки добрались, проехав два квартала по Ризположенскому переулку, миновав широкую Калужскую и въехав в Титовский проезд. Минув здания Первой и Второй градских больниц, в которых ни в одном из окон не было света, доехали до Нескучной набережной, что еще год назад прозывалась Александринской, выбрали место покруче и побезлюднее и свалили с пролетки мешок с телом Семена в Москву-реку. Тем же путем поехали обратно. Мария уныло молчала. Комаров, освободившись от тягостной ноши, легонько посвистывал, предвкушая выпивку и закуску.

Вернувшись домой, он распряг лошадь, поставил ее в стойло, сыпанул ей овса не жалеючи (заслужила!), после чего они с безмолвной Марией, кое-как успокоившей грудничка, пили водку и закусывали при неясном свете керосиновой лампы. Комаров называл Марию «моя католическая пани», щипал ее за ляжки и мелко смеялся. Он был в благостном расположении духа, пил помногу и часто, несколько раз принимался было затянуть негромко песню про «славное море, священный Байкал», да память наотрез отказывала выдавать нужные слова, а потому песня так и не заладилась...

Он уснул прямо за столом. Мария поднялась, прикрутила фитиль лампы и, пошатываясь, пошла к детям.

Комарову и в самом деле приходилось убивать. И совсем не на войне, где истреблять врага положено по уставу, одинаково как и паникеров, и предателей, а в мирное время...

Впервые это случилось поздней весной двадцать первого года, когда Комаров еще работал казенным ломовым извозчиком в транспортном отделе Центрэвака НКВД. Не иначе как бес его тогда попутал. И еще плакат:

«ОЧИСТИМ МОСКВУ ОТ МИРОЕДОВ И СПЕКУЛЯНТОВ»

Он висел точно над центральным входом бывшей Нечаевской богадельни, ставшей впоследствии чем-то вроде приюта для больных, слепых и увечных воинов-красногвардейцев.

Однажды Василий Комаров привез в этот приют, по приказанию начальника Чрезвычайной комиссии товарища Эйдука и согласно распоряжению Народного комиссариата социального обеспечения, два больших мешка деревянных протезов и поначалу даже не обратил особого внимания на плакат. Его содержание вспомнилось, когда он привез на Смоленский рынок отрез шинельного сукна, который ловко спер со склада Норкомсобеса, предусмотрительно запрятав его в мешок с конским навозом. Подворовывать Комарову приходилось и прежде, когда он работал грузчиком на одном из военных складов в Витебске. «А что? Все воруют, а я что – рыжий, что ли?»

Брал Василий на военном складе все больше по мелочи, чтоб не шибко бросалось в глаза. Потом сбывал краденое на местном базаре. Выручки хватало только на водку да на закуску к ней. Маловато, конечно, да курочка по зернышку клюет, а сыта бывает...

До поры до времени воровство сходило ему с рук. Однако аппетит, как говорят, приходит во время еды. В девятьсот двенадцатом году Василий Иванович Комаров, будучи тогда еще Василием Терентьевичем Петровым, попался-таки на краже большого куля мануфактуры. Запираться на следствии было бессмысленно, поскольку взят он был с поличным, поэтому вину он свою

признал и выказал полное и чистосердечное раскаяние. Правда, для Комарова его раскаяние состояло в том, что его поймали, а не в том, что он воровал, однако суд безоговорочное признание вины и раскаяние учел и присудил ему год содержания в исправительном арестантском отделении...

На отрез шинельного сукна покупатель на Смоленском рынке нашелся сразу. Это был чернявый мужик лет тридцати, вертлявый и шустрый. Немного поторговавшись и сбив малость цену, он купил у Комарова отрез и, уже собираясь уходить, поинтересовался:

- А не будет у тебя еще такого сукна?

- Есть, - неожиданно для себя ответил Комаров.

- И сколь? - заинтересованно спросил чернявый, мгновенно передумав уходить.

- Еще пять таких отрезков дома лежат, - сказал Комаров и посмотрел чернявому в глаза.

- Они что, тоже навозом воняют? - беззлобно усмехнулся тот.

- А ты что, понюхать хочешь? - усмехнулся в ответ Василий.

- Ну, понюхать не понюхать, а посмотреть не мешало бы, - изрек чернявый и выжидающе глянул на него. - Авось сторгуемся... Отрезы-то у тебя где схоронены?

- Да дома.

- Так можно глянуть-то?

- Отчего же нельзя, можно, - сказал Комаров. И добавил: - А коли приглянется, купишь, что ль?

- Может, и куплю.

– А деньги-то есть? – покосился на него Василий. – А то запросто так показывать каждому мануфактуру мне нет никакого интересу.

– Есть, есть, – заверил его чернявый и для убедительности похлопал себя по карману штанов. – Поехали давай, – уселся он на подводу.

– А поехали, – согласился Комаров.

Покуда добирались до Шаболовки, перекинулись парой фраз. А потом Василий как бы невзначай спросил:

– А зачем тебе столько сукна шинельного понадобилось? Шинели будешь шить на продажу?

– Не, шинели шить не буду, – засмеялся чернявый.

– А на кой тогда тебе столько сукна?

– Да я на деревню сукно это свезу, там на зерно обменяю или муку. С мануфактурой нынче в деревнях полный швах, так что зерна или муки деревенские за нее не пожалеют, сполна отвалят. А потом обратно поеду. В Москву. Здесь за зерно или муку много денег да разного добра выручить можно. Много больше, нежели за твое сукно. Так что, дядя, серьезная может получиться выгода...

Вот тут-то и вспомнился ломовому извозчику Василию Комарову висевший плакат, что он мельком видел над колонным входом в бывшую Нечаевскую богадельню, призывающий очищать Москву от мироедов и спекулянтов. А кто на поверку этот самый чернявый? Самый что ни на есть мироед и отъявленный спекулянт. «Ишь, какое дело удумал: здесь он покупает сукно подешевле, везет его в деревню, там его дорого продает за зерно или муку, и это везет обратно в Москву. Где опять же задорого продает за деньги или товар. Двойная выгода! Хитрозадый какой, мать его, растак! Такие вот и жируют, когда трудящиеся пролетарии спины гнут да от голода пухнут», – думал Комаров, безо всякого сомнения отождествив себя с трудящимися пролетариями.

Некий смутный план у него зародился уже на Смоленском рынке, когда чернявый принялся расспрашивать про сукно. Но после его откровения план приобрел уже отчетливые очертания. Страху Василий не испытывал, он вообще был не из робкого десятка, было лишь опасение: а получится ли сделать так, чтобы все было шито-крыто?

Когда приехали домой, он провел гостя в дом. Мария выставила закуску, а сам хозяин достал из шкафа поллитровку, предложил откусать.

– А чего, можно, – согласился на предложение ничего не подозревающий гость.

Выпили. Плотно закусили. Потом тяпнули еще. Чернявый изрядно захмелел. Жену Василий отправил с ребятишками на улицу, а сам под предлогом того, что ему нужно принести для показа отрезы, вышел из комнаты. Нашел в сенях ящик с инструментами, достал из него тяжелый сапожный молоток и сунул его под спинжак за пояс. А чтобы чернявый не заподозрил чего недоброго, набил пустой мешок разным тряпьем и, взвалив его на плечо, вошел в комнату, изображая нелегкую ношу.

Мешок оставил в углу. Сел за стол. Разлил остатки водки. Потом вдруг засуетился, будто забыл что-то, заверяя при этом гостя:

– Щас, щас.

Поднялся из-за стола, зашел чернявому за спину и что есть силы ударил его молотком по темечку. Чернявый охнул, размяк. Из головы обильно хлынула кровь. Комаров и не ожидал, что ее будет так много. Она залила одежду убитого, стекла на стул, обильно разлилась по полу. Пятна крови оставались на молотке и на рукавах спинжака Комарова.

– Твою мать! – невольно выругался он вслух. – Надо будет в следующий раз ведро под голову подставлять или таз какой. Чего так перемазываться-то?

Когда кровь перестала течь, Комаров тщательно осмотрел труп, пошарил по карманам и наскреб лишь мелочь, которой хватит едва на пару буханок хлеба (наврал, что при деньгах, злыдень!). Затем стянул с чернявого обувь и штаны, оказавшиеся не запачканными, и сложил их в комод. Одежду, перемазанную кровью, оставил на трупе. Попытался запихнуть тело чернявого в мешок, но

дело не клеилось. Уже вернулись со двора жена и дети, вдоволь нагулявшись, он на них цыкнул, чтоб не входили в комнату, пока сам не позовет, а обмякший труп чернявого все упорно не желал помещаться в мешок. Пришлось вытащить его обратно и покумекать, что надобно с ним сделать, чтобы уменьшить в размерах. Поначалу Василий даже хотел разрубить его на куски, как вдруг к нему пришла мысль: покойника нужно сложить и связать, чтобы тот более не распрямлялся. После нескольких неудачных попыток он понял, как лучше всего это сделать, – его нужно свернуть наподобие калача. Завел руки трупа за спину и связал в запястьях, а колени и голову веревками подтянул к животу и тоже крепко связал. Получилось нечто вроде тела, сложенного пополам и внутрь. Оно поместилось в мешок без особого труда, и осталось еще много места для того, чтобы тщательно и крепко связать мешок и чтобы было за что ухватиться при его переноске.

Мешок Комаров унес в кладовку. А потом позвал жену.

Мария вошла в комнату и непроизвольно ахнула, всплеснув руками:

– Боже ты мой, что же здесь произошло!

– Ничего... Замой здесь все, – приказал Василий.

– А откуда столько крови? – тихо спросила женщина с легким то ли польским, то ли литовским акцентом.

– Да у гостя мово кровь носом пошла, – ответил Комаров, – вот и натекло. Вишь, и на меня малость попало, – показал он жене рукав спинжака. – Так что, ты это, приберись здесь хорошенько. Чтоб ни пятнышка не было! И спинжак отмой, чтоб не видно было, мне его еще носить.

– А гость куда подевался? – еще тише спросила Мария, избегая встречаться взглядом с мужем.

– Как – куда? – почти натурально удивился Василий. – Ушел! Нешто не слышала? Я его еще провожать во двор выходил, когда ты там с ребятишками возилась.

Ночью Комаров перенес мешок на пустующую соседнюю усадьбу и зарыл под лагами разобранного пола в полуразрушенном доме. А свежую землю завалил камнями и засыпал разным мусором...

Второе убийство Василий совершил через неделю после первого. На Смоленский рынок ехать остерегся, приехал на Конную площадь, где торговали лошадьми, упряжью и прочей конной утварью.

Долго высматривал покупателя на свою казенную лошадь, которую, естественно, продавать не собирался. Наконец высмотрел: мужик лет под сорок приценивался к мерину, которого хоть сейчас можно было под седло или в упряжь. Но хозяин мерина запросил столько, что покупатель – явно крестьянин из какого-нибудь подмосковного села или деревни – округлил глаза и, даже не пытаясь торговаться, резво отвалил в сторону.

– Лошадь ищешь? – быстро спросил его Комаров.

– Ну, ищу, – невесело ответил ему крестьянин.

– А мой коняга тебе, случаем, не сгодится?

– Продаешь?

– Продаю, – кивнул головой Комаров. – Карачаевская порода, – похлопал он по крупу лошади. И добавил: – А эта порода, сам небось знаешь, жуть какая выносливая.

– Это да-а, – протянул крестьянин. – Была у нас такая в хозяйстве. Добрая скотина! И сколь просишь? – поинтересовался он. – Небось тоже лихую цену запросишь. Они у вас тут в Москве ажно бешеные какие. У вас здесь все не так. Поросенка по цене лошади продаете, а лошадь по цене слона!

– Да не-е. – Василий даже мотнул головой, всем своим видом показывая, что и ему не по нраву московские цены. – Цену ломить не стану. Потому как деньги во как нужны, – провел он ладонью по горлу.

– Так сколь хошь за свово коня?

Василий назвал цену.

- Все равно много, - нахмурился крестьянин, хотя, похоже, цена его устраивала.

- Так я ж тебе еще и повозку даю в придачу, - принялся уговаривать Комаров.

- А на хрена мне твоя повозка сдалась? - укоризненно посмотрел на него крестьянин. - Она у тебя уж дюже старая. Того и гляди рассыплется прямо на ходу.

- Это верно, - охотно согласился Василий. - Я бы на твоём месте тоже ее не взял. У меня дома другая есть. Новая совсем! Во дворе стоит, тебя дожидается. Не хошь глянуть?

- Можно, - кивнул крестьянин.

Приехали к Комарову домой.

- А где повозка-то? - удивленно оглядев двор, спросил гость.

- Да я ее намедни соседу одолжил, - соврал Комаров. - Он скоро придет. А мы, его ожидаючи, покуда закусим.

Они прошли в дом, расположились в комнате. Мария быстро собрала нехитрую закуску и ушла.

- «На сухую» и кусок в горло не полезет, - прозрачно намекнул крестьянин и прищурился. Он, верно, считал себя шибко хитрым: и конягу щас ладную прикупит недорого, с новой повозкой в придачу, выпьет еще по такому случаю да и на дармовщинку прихарчится.

- Так мы смочим, не бойсь, - усмехнулся Комаров. - Такую покупку и обмыть не грех...

Он встал, подошел к шкафу и достал бутылку «белоголовой».

Выпили. Закусили.

Василий разлил по второму кругу: себе поменьше, гостю побольше.

Снова выпили.

Вдруг послышался какой-то шум во дворе, и он деловито спросил крестьянина:

– Глянь-ко, друг, не сосед ли подъехал?

Мужик привстал и глянул в окошко. В это время Комаров зашел сзади и, размахнувшись, сильно ударил его молотком по темени, пробив черепную кость. Мужик сел, голова его запрокинулась назад, и Василий, памятуя прошлый случай с чернявым, подставил под нее загодя приготовленный большой цинковый таз. Когда кровь перестала течь, положил тело крестьянина на пол, раздел его (деньги, весьма большую сумму, он обнаружил в специальном кармане, пришитом к подштанникам и застегнутом на пуговичку) и принялся связывать калачом. И тут крестьянин вдруг зашевелился, открыл глаза и вполне внятно произнес:

– Ты чего это, паскуда, делаешь-то? Убить меня собрался?!

Василий аж подпрыгнул от неожиданности, и у него мгновенно вспотело под мышками. Несколько мгновений он ошалело смотрел на голого мужика с разmozженным черепом, сиящегося привстать, а потом рыком бросился на него и принялся истоиво душить.

На шум прибежала Мария, ахнула, да так и осталась стоять на пороге, не в силах отвести взгляд от ужасного зрелища.

– Чего встала, топай отседова! – зло прикрикнул на нее Комаров, но та стояла как замороженная. – Не вишь, занят! Ступай, сказал! – уже прохрипел он, поскольку крестьянин продолжал отчаянно сопротивляться, елозил ногами по полу и тоже схватил его за горло.

Мария, прикрыв лицо краем платка, выскочила из комнаты. Крестьянин оказался невероятно крепким: еще минуты три он боролся за свою жизнь, а потом тело

его обмякло, и он вытянулся во весь рост. Василий неистово продолжал душить его. Убедившись наконец, что мужик мертв, отнял руки от его шеи и сел, отдуваясь, на пол. Сердце колотилось так, что, казалось, стук его слышен в соседней комнате, где находилась перепуганная Мария с детьми. Отдышавшись, связал труп так же, как до того связывал чернявого спекулянта, потом засунул тело в мешок, крепко завязал и оттащил в кладовку.

Ночью Василий свез мешок на подводе в разоренное имение графа Орлова, где и закопал в глубокой яме, а место забросал всяким мусором и хламом.

После убийства крестьянина Комаров убивал уже по строго выработанному плану: приходил на Конную площадь якобы для продажи лошади, быстро и не торгуясь сговаривался с подходящим покупателем о цене и под разными предложениями заманивал его к себе домой. Щедро выставлял выпивку и закуску, а потом, уловив подходящий момент, когда покупатель захмелеет или чем-либо отвлечется, сильно бил тяжелым сапожным молотком несчастного по темечку, не забывая всякий раз подставлять под текущую кровь рогожку или цинковый тазик. Помня случай с ожившим крестьянином, набрасывал на шею жертвы веревочную удавку, которой еще минуты две душил уже бездыханное тело «для верности». Убедившись, что человек мертв, неспешно раздевал его догола, подсчитывал добычу, потом запихивал тело в мешок, который прятал до ночи в кладовку. А ночью вывозил труп куда-нибудь на пустырь, где и закапывал, либо запрятывал его в развалинах разрушенных домов, а то попросту сваливал в Москву-реку. Начиная с временно ожившего крестьянина и заканчивая однополчанином Семеном, осечек более не случалось...

Глава 3. Единственная версия

– Ну вот, опять пошла эта канитель, – глухо произнес старший инспектор уголовного розыска Бахматов, осматривая вместе с опытным Саушкиным очередной труп, найденный в мешке на берегу Москвы-реки возле Нескучной набережной. Тело неизвестного было связано таким образом, что ноги и разможенная голова были стянуты к животу, а связанные руки заведены назад. На шее явственно проявлялись следы удушения. Зрелище, к слову сказать, было весьма неприглядным: язык вылез наружу, глаза выпучены... – Мешок еще сними, – повернулся он к муровскому фотографу Юрию Петровичу Еремину,

фотографировавшему труп крупным планом.

– Сделаю, – охотно ответил фотограф. – Вот только еще пару фотографий общим планом.

– А ведь казалось, что он сгинул! – вздохнул Бахматов.

Жора Стрельцов, агент уголовного розыска третьей категории (ниже этого чина могут быть разве что младшие милиционеры), месяц назад принятый в МУР после окончания трехмесячных курсов уголовного розыска, удивленно посмотрел на инспектора. Потом перевел взгляд на Колю Осипова, мол, поясни хотя бы, о чем речь...

Осипов понимающе кивнул и сказал, обращаясь к Жоре:

– Леонид Лаврентьевич хочет сказать, что это уже... – Коля задумался и спросил: – Какой это по счету «жмурик» в мешке, Владимир Матвеевич?

Вопрос был адресован Саушкину, который чаще всего выезжал «на труп», то есть на место преступления именно с первой бригадой Бахматова, занимающейся исключительно убийствами и вооруженными ограблениями.

Надо сказать, что в прямые обязанности Владимира Матвеевича Саушкина, опознавателя и хранителя справочного регистрационно-дактилоскопического бюро Московского управления уголовного розыска, где хранились уцелевшие после пожара досье на преступников различных мастей, не входил выезд на место преступления. Но его часто либо приглашал Леонид Лаврентьевич Бахматов, либо он выезжал «на труп» по собственной инициативе. Ведь Саушкин мог узнать почерк преступника, его руку и тем самым указать его след. Так случилось в восемнадцатом году, когда был убит и ограблен известный всей Москве купец Игнат Селиверстов, владелец крупнейшей шелкоткацкой фабрики и прогрессист, одним из первых установивший на фабрике турбинные двигатели. По характерным многочисленным колото-резаным ранам, нанесенным в область груди и желудка, Владимир Матвеевич сделал предположение, что убийство купца Селиверстова – это дело рук уголовного рецидивиста Анания Похлебкина по прозвищу Февраль. Крестьянин одного из подмосковных сел, Ананий приехал в Москву на заработки в девятьсот седьмом году, а уже через год попал в арестантские роты за нанесение ножевых ран

московскому мещанину Колывану Панину. В девятьсот десятом, через три недели после выхода на волю, московская сыскная полиция задержала Анания прямо на месте преступления, когда Похлебкин, имеющий к тому времени кличку Февраль, с блаженным видом наносил уже бездыханному телу очередной удар ножом из четвертого десятка. Разумеется, преступник был подвергнут судебно-психиатрическому осмотру, поскольку вряд ли психически здоровый человек стал бы тыкать в уже остывающий труп ножиком, получая при этом несказанное удовольствие. Осмотр проводил весьма дельный врач-психиатр Евгений Краснушкин. Он признал Анания психически нездоровым, написав в истории болезни, занимавшей пару дюжин страниц, диагноз: «Маниакальный синдром». Маниака поместили в специальное крепко охраняемое отделение Преображенской психиатрической клиники, из которой Ананий сбежал во время октябрьских событий девятьсот семнадцатого года. В последующие два года Похлебкина в Москве было не видно и не слышно. И вот, похоже, Февраль вернулся... В родные края потянуло.

Предположение Саушкина подтвердилось: Февраль был взят при облаве на одну из «малин» в Марьиной роще, и при нем был обнаружен золотой швейцарский минутный репетир, принадлежавший убиенному ранее купцу Селиверстову. Припертый к стенке данной уликой, Февраль не стал заперяться и признался в убийстве купца...

Был еще случай, когда Владимир Матвеевич безошибочно определил убийцу, лишь мельком взглянув на труп, найденный в одном из старых захламленных дворов недалеко от Брянского вокзала.

- Это дело рук Сени Дюбея, - твердо заверил он.

- Почему? - спросили его.

- Потому что на шее трупа имеется характерный след, - ответил Саушкин. И добавил: - Я такой уже не единожды видел. Первый раз в девятьсот шестом, второй - в девятьсот седьмом. Еще два трупа с такими характерными признаками были в шестнадцатом году. Что за характерный след, вы меня спросите? (Владимир Матвеевич любил такие словесные экзерсисы.) Так я отвечу: он от шелкового шнура. Плюс сильная гематома в области правого виска. О чем это нам говорит? - задал вопрос Владимир Матвеевич и сам же на него ответил: - О том, что преступник - левша. А кто на Москве вот уже полтора десятилетия без малого сначала бьет жертву кулаком в висок, а когда она

падает в беспамятстве, душит шелковым шнуром? Вот именно: Сеня Дюбель...

Владимир Саушкин снова оказался прав. Когда взяли Сеню Дюбеля, то у него в кармане обнаружился длинный шелковый шнур, который тотчас отдали на исследование в кабинет научно-судебной экспертизы. «Сведущие лица» через сутки выдали заключение, что именно данным шелковым шнуром задушена жертва, найденная близ Брянского вокзала.

Владимир Матвеевич был просто ходячей уголовной энциклопедией. Он помнил все масти и кликухи известных некогда московскому сыску уголовников, перечень их преступлений и адреса «малин», где те любили бывать, знал имена их приятелей, а также их «марух», у которых преступники могли остановиться на длительный срок. Во многих вопросах уголовного сыска Саушкин был попросту незаменим. Потому-то Бахматов и просил иногда его поехать с бригадой уголовного розыска «на труп». И полноватый седеющий мужчина, продолжающий представляться незнакомым ему людям как «начальник регистрационно-дактилоскопического бюро Саушкин, Владимир Матвеевич, надворный советник», обычно соглашался. И дело тут совсем не в том, что Леонид Бахматов и начальник второй бригады Иван Филиппов сумели отстоять его перед тогдашним начальником МУРа Никулиным, когда в связи с наметившимися в стране преобразованиями решено было освободить Московский сыск от старых специалистов (более того, они даже упросили Никулина сходить с ходатайством в Наркомат внутренних дел, чтобы он добыл разрешение на пребывание на службе Владимира Матвеевича, что тот и сделал: в Службе органов внутренних дел ему дали-таки хоть временное, но «добро»).

И не оттого соглашался Владимир Матвеевич помочь своим вновь испеченным коллегам, что во время очередной недавней чистки милиции от старорежимных специалистов «с темным или сомнительным прошлым» Леонид Лаврентьевич снова обивал пороги начальственных кабинетов, в том числе и НКВД, отстаивая очевидную необходимость Саушкина для всего Московского управления уголовного розыска. И снова получил «добро», хотя опять-таки временное.

А ездил Владимир Матвеевич на места преступлений потому, что бывший надворный советник Саушкин был просто ответственным и честным человеком, что само по себе немало, считавшим борьбу с преступниками главным и единственным делом своей жизни...

Вопрос Коли Осипова не застал Саушкина врасплох. Чуть подумав, он сказал:

- Это восемнадцатый подобный труп. - И горестно покачал седеющей головой.
- Первый труп был обнаружен на Шаболовке весной двадцать первого, - уточнил Бахматов. - Восемнадцатый - сегодня. Ровно за два года - восемнадцать трупов. Это было бы много даже для банды Яньки Кошелька. А тут, похоже, орудует одиночка, судя по почерку.
- Восемнадцать трупов - это, возможно, еще не все. Я думаю, есть еще подобные трупы, просто мы их не все пока нашли, - посмотрел на Леонида Лаврентьевича «надворный советник».
- Вы хотите сказать, что убийца не только прячет трупы в разрушенных домах и сбрасывает в Москву-реку, но еще и закапывает в потайных местах? - мрачно спросил Бахматов, задумчиво потирая пальцами подбородок.
- Считаю, что это вероятнее всего, Леонид Лаврентьевич, - охотно откликнулся Саушкин. - Убийца невероятно жесток. Он убивает и грабит свои жертвы. Они - главный источник его дохода. А потребности у него растут, потому жертв становится все больше.
- А почему тогда никто не заявляет о пропажах людей? - резонно спросил Жора.
- Может, и заявляют, - ответил Бахматов, - да только не нам в МУР. Видимо, все убитые - приезжие. До нас эта информация просто не доходит.
- Точно! Они приезжие, - воскликнул Коля Осипов и обвел взглядом присутствующих. - Тут же все логично. Люди приезжают в Москву за какими-то серьезными покупками, имеют с собой деньги. И об этом узнает наш убийца. А дальше все по продуманному им плану, который у него очень детально отработан.
- А как он узнает, что человек, которого он наметил своей жертвой, приезжий, да еще с деньгами? - снова спросил Жора.
- Вот это весьма хороший вопрос, молодой человек, вы определенно делаете успехи, - произнес Владимир Матвеевич. - Если приезжего можно как-то отличить от местных по одежке, разговору и иным каким-то признакам, то о

наличии у него денег можно узнать только при личном разговоре.

– Это как? – удивленно спросил Коля Осипов. – Он что, наш убивец, просто подходит к человеку, дружески кладет ему ладонь на плечо и спрашивает: «Послушай, приятель, а у тебя есть деньги»? А тот ему отвечает: «Об чем разговор, приятель. Конечно, есть, полные карманы!» Так, что ли?

– Не совсем так, нужно еще знать, к кому подойти, – сдержанно заметил Леонид Лаврентьевич. – А это значит, за жертвой надо следить не один день.

– Вовсе не обязательно, – заметил «надворный советник» Саушкин. – Таких людей можно встретить не один десяток в определенных местах...

– Торговых местах! – Жора Стрельцов опять не удержался, и все разом посмотрели на него.

– Ну-ну, продолжай, – заинтересованно произнес Бахматов.

– Я думаю, что наш убийца высматривает людей с деньгами в торговых местах. Это базары, торговые площади, рынки, лавки, лабазы, бакалеи... Ну, где идет торговля крупным и дорогим товаром. Это может быть мануфактура, зерно, крупа, мука, сахар... – Стрельцов чуть помолчал и уже немного сдержаннее продолжил: – Скажем, приходит человек в лавку. Хочет купить, например, с полпуда сахару. Приценивается, смотрит, разглядывает товар поближе. Это значит, что в кармане у него деньги имеются... Коля, сколько сегодня стоит сахар? – повернулся он к Осипову.

– Если по нынешним совзнакам, то восемьсот рублей за фунт. Если прошлогодними совзнаками, то восемьдесят тысяч рублей за фунт. Ну а если совзнаками двадцать первого года, то, почитай, фунт сахару обойдется в восемьсот миллионов дензнаков минимум. А за полпудика этому крестьянину придется отвалить без малого четырнадцать с половиной миллиардов. Ну, или четырнадцать с половиной тысяч на нынешние совзнаки. Да-а... – протянул Коля. – На мою зарплату выходит, что я только три фунта сахара и могу купить. Тут не пошикуешь!

– Значит, – выдержав небольшую паузу, сказал Жора, – в кармане у нашего покупателя минимум полугодичная зарплата субинспектора Николая Осипова.

Деньги уже неплохие, чтобы за них убить, убивают сегодня и за меньшие. За порты пришить могут, чего уж там! А если покупатель хочет купить не полпуда сахара, а пуд? А если два? Да еще пару отрезков ситца? И еще чего-нибудь по мелочи для любимой супруги и деток? – Стрельцов увлекся и не замечал, что Осипов откровенно над ним посмеивается. По-доброму, конечно... – Вот таких-то и высматривает наш убийца. И ему достаточно просто находиться в лавке в то время, когда там появляется такой покупатель. Причем, как правильно оговорился Коля, такой покупатель скорее всего именно крестьянин, то есть приезжий из какого-нибудь дальнего уезда. А приезжий с деньгами – это как раз клиент нашего убийцы. Ведь приезжего никто не хватится. По крайней мере здесь, в Москве. Значит, труп будет не опознан, его закопают через несколько дней где-нибудь за оградой кладбища, и ниточки, которые привели бы нас к убийце, будут потеряны, – закончил Жора.

– А что, это версия, – в задумчивости произнес Бахматов. – Молодец, Стрельцов, неплохо начинаешь. – Леонид Лаврентьевич еще раз окинул взглядом труп и отвернулся. – Итак, давайте, братцы, уточним. Наш убийца – лабазник, базарный торговец или человек, постоянно посещающий лавки, лабазы, рынки и вообще все торговые места. Тщательно высматривает жертву, находит ее, потом некоторое время следит за ней, а затем убивает и грабит. После чего прячет труп в укромном месте или сбрасывает в реку.

– Мешок позвольте? – неожиданно попросил Саушкин.

Осипов передал ему мешок, в котором находился труп. Владимир Матвеевич внимательно осмотрел его со всех сторон, даже зачем-то поковырял ногтем поистрепанную ткань, а затем взял его за углы и усиленно вытряс содержимое. На землю вывалилось несколько зерен овса.

– Овес? – удивленно спросил Бахматов.

– Точно так, – с некоторым торжеством проговорил Саушкин. – В мешке, в который был упакован один из прошлогодних трупов, также отыскалось несколько зерен овса. Но этому тогда не придали значения. Сейчас же прослеживается некоторая закономерность...

– Что вы хотите этим сказать, Владимир Матвеевич?

– Я хочу сказать, любезнейший Леонид Лаврентьевич, что теперь подобной находке нужно придать значение. – Саушкин наклонился и поднял с земли овсяные зерна. – Вряд ли овес оказался случайно в мешках с трупами.

– Наш убивец является торговцем фуражом? – сделал предположение Коля Осипов.

– Возможно, – в задумчивости ответил Владимир Матвеевич. – Или постоянно его покупает.

– А может, он извозчик? – опять выдвинул предположение Осипов.

– А вы заметили, как был завязан мешок? И какие имеются узлы на веревках, которыми стянуты тела несчастных? Так вот, могу вам сказать, это типично извозчицьи узлы, – согласился с ним Саушкин. – Так что вполне может быть, что он ломовой или легковой извозчик. По крайней мере, это предположение оправдывается фактами, что трупы жертв убийцы находили в разных местах. Имея лошадь с повозкой, труп, упакованный в мешок, можно незаметно вывезти куда угодно...

– Получается, что наш убивец, так или иначе, связан с лошадьми. И он либо лабазник, торгующий фуражом, либо торгует большими партиями фуража на базаре, либо и правда он ломовой или легковой извозчик, – подвел итог рассуждениям Коля Осипов. – Но это же... – он немного помолчал, – тысячи человек! Как нам среди них найти того, кто нам нужен?

– Как бы там ни было, но это пока единственная наша версия, и мне кажется, ее нужно разрабатывать, – заключил Бахматов и посмотрел на Саушкина: – А что вы еще можете сказать, Владимир Матвеевич?

– Что еще сказать... – протянул тот. – Вы совершенно правы, судя по всем известным нам преступлениям, убийца является одним и тем же человеком. На это указывает его ясно прочитываемый почерк: сначала он бьет жертву тяжелым предметом по голове, чаще всего по темени, возможно, обухом топора, тяжелым молотком или даже обрезком чугунной трубы, да мало ли еще чем... Судя по месту нанесения удара, убивает он свою жертву сзади, иначе удар приходился бы в область лба. Потом душил жертву, так сказать, для верности. Убедившись, что тело бездыханно, раздевает его и вот так специфически

связывает, чтобы затем...

– Чтобы затем тело поместилось в мешок. – Колю Осипова угомонить было трудно.

– Именно так, милейший Николай, – одобрительно посмотрел на него Владимир Матвеевич. – Упаковав таким образом труп, убийца дожидается ночи, после чего вывозит его на своей лошади в развалины домов или преспокойно сбрасывает в реку.

– У меня вот такой вопрос, а где он убивает? – снова спросил Бахматов. – Не станет же он злодействовать посреди улицы.

– Резонный вопрос, – заметил Саушкин. – Надо полагать, в каком-нибудь укромном месте, где ему никто не мешает.

– Может, он это делает дома? – вклинился в разговор Жора, не менее увлеченный расследованием, нежели Коля Осипов.

– А вот это похоже на истину, – изрек Владимир Матвеевич. – Наш убийца находит жертву, заманивает ее к себе домой под каким-нибудь выдуманном предложением... Потом договаривается о сделке, весьма выгодной для жертвы, которую надо, предположим, обмыть. Убийца выставляет водку, а когда жертва захмелеет, делает свое черное дело. А ведь верно... – Он с интересом глянул на Стрельцова. – Все, что убийца после содеянного преступления проделывает уже с трупом: раздевает его, связывает, упаковывает в мешок, – лучше всего делать дома. Затем он дожидается ночи и вывозит из дома труп. Так что без лошади ему никак нельзя...

– На этом покуда и остановимся, – подвел итог Леонид Лаврентьевич и по привычке потер пальцами подбородок. – Едем в управление. Там помозгуем и определимся, кто и чем будет заниматься.

Видавший виды «Чандлер», доставшийся от сыскной полиции вместе с водителем, и заскучавший муровский фотограф Юрий Петрович Еремин (единственный на все четыре оперативные бригады), давно упаковавший свой фотографический аппарат в брезентовый чехол, ждали их на набережной. Рядом стояла ломовая повозка, которая должна была увезти труп в морг.

«Чандлер», показывая капризный характер, не желал заводиться. Уже давно уехала в морг повозка с трупом, а автомобиль только стрелял выхлопной трубой и трясся, будто бы в падучей.

– Леонид Лаврентьевич, нам на управление еще в начале года обещали выделить три мотора, – произнес Коля. – Один наверняка нам бы достался. Сейчас уже весна, а «воз и ныне там».

– Обещанного три года ждут, – буркнул Бахматов и добавил: – Скажи спасибо, что хоть этот мотор за нами закрепили... Не барин, на извозчике поездишь.

– Скорее на трамвае... На извозчиках ныне только баре и ездят, – парировал Осипов. – При нэпе-то вон их сколько опять развелось: плюнуть некуда, обязательно в нэпмана попадешь.

– Не твоего это ума дело, Коля, – заметил ему Леонид Лаврентьевич. – Твое дело – убийц, громил да налетчиков ловить. Уяснил?

– Уяснил, – немного обиженно ответил Осипов.

Наконец «Чандлер» чихнул раз, потом, нерешительно, другой и завелся. Бахматов сел вперед с водителем, а Коля, Жора, Саушкин и заскучавший отчего-то Еремин уселись сзади. В тесноте, как говорится, да не в обиде.

Автомобиль, зло выплюнув черную гарь, медленно тронулся. Двадцать семь лошадок, спрятанных в моторе, натужно поднапряглись и тяжело потащили шестерых мужчин. Бахматов облегченно вздохнул. Все, поехали потихоньку в МУР...

Глава 4. Ниточка ведет на конную площадь

МУР или, как его продолжали именовать официальные органы столицы, Московская уголовно-разыскная милиция, родился в Третьем Знаменском переулке, где до него квартировала Московская сыскная милиция Временного

правительства. Ее начальник, надворный советник Карл Петрович Маршалк, и стал первым начальником МУРа. А комиссаром к нему, чтобы вскормленный на царских харчах Маршалк всегда был под присмотром, приставлен был латыш Карл Розенталь, рабочий-большевик с Пречистенки. Маршалк и Розенталь не сработались: уж больно разными они были людьми по происхождению, воспитанию, морали, мировоззрению и многому прочему. Их совместная служба закончилась тем, что Карл Петрович, получив официальное разрешение от Моссовета на выезд из страны, почти незамедлительно эмигрировал в Финляндию, и начальником Московской уголовно-разыскной милиции стал его тезка Карл Карлович Розенталь. Сама уголовная милиция перебралась в бывшее здание Московской сыскной полиции по Большому Гнездниковскому переулку, дом три, где в течение одного года дважды случался пожар: сначала его устроили уголовники, выпущенные Керенским на свободу, потом здание горело во время октябрьских событий в Москве. Сгорело много документов из уголовной картотеки, что во многом затрудняло поиск преступников.

В октябре восемнадцатого года начальником Московского управления уголовного розыска (МУУР) был назначен матрос-балтиец Александр Максимович Трепалов, чекист и человек, беззаветно преданный делу большевистской партии. Личность легендарная, бесстрашная и сделавшая очень много по очищению Москвы от преступных элементов. Дважды, пока в Москве его не стала признавать в лицо каждая собака, Трепалов под видом петроградского налетчика Сашки Косого внедрялся в самые опасные банды, после чего следовала их ликвидация. Именно ему город обязан очищением Хитрова рынка от уголовных элементов и, как следствие, значительным спадом убийств и разбоев в столице. В двадцатом году его деятельность на посту начальника МУРа была отмечена орденом Красного Знамени, после чего он был отозван ВЧК и направлен на Украину комиссаром железнодорожных путей с особыми полномочиями.

Какое-то время должность начальника МУРа исправлял Илья Яковлевич Фрейман, «ответственный работник», в банды не внедрявшийся, с пистолетом не бегавший и на рожон никогда не лезший. Зато сумевший занять в шикарном доме номер девять по Тверскому бульвару квартиру в триста с лишком квадратных аршин. Владимир Саушкин однажды сказал в разговоре об Илье Яковлевиче:

– Этот Фрейман – ни рыба ни мясо. Человек явно временный в уголовке. Ладно хоть не мешает работать...

И не ошибся. Вскоре ему отыскалась замена.

В сентябре двадцатого должность начальника Московского управления уголовного розыска занял Григорий Петрович Никулин. Крепкий, коренастый мужчина, с широким скуластым лицом, глазами навывкате и легкой, как бы снисходительной улыбкой, застывшей на его слегка полноватых губах. Было ему всего-то двадцать пять лет, но за его плечами уже была ссылка в четырнадцатом году, вступление в партию большевиков в семнадцатом, служба в Екатеринбургской ЧК, командование чекистским «летучим отрядом», участие в серьезных сражениях в составе Третьей армии против румын и немцев, а также тиф, эвакуация в Москву, работа в Моссовете, заведование отделом инспекции Московской милиции.

Когда Никулин был назначен начальником МУРа, пополз слух, что Григорий Петрович участвовал в ликвидации царской семьи. Сам он на эту тему говорить не любил, но однажды проговорился своему помощнику Панову, что лично стрелял в «Николашку и его щенка». Никулина не то чтобы не любили, просто предпочитали обходить его стороной, на что Григорий Петрович отвечал взаимностью, то есть близко ни с кем не сходил. Все-таки одно дело – застрелить преступника при задержании, когда он оказывает активное сопротивление и угрожает оружием, и совсем другое – расстрелять плененного врага вместе с его ребенком. Да и не обязаны подчиненные пылать любовью к своему начальнику. Нет такого в уставе! Они обязаны его уважать и исполнять приказания.

Никулин был больше хозяйственником, нежели разыскником, и в двадцать втором году его с понижением перевели на должность помощника начальника МУРа по административно-хозяйственной части. А начальником Московского управления уголовного розыска стал Иван Николаевич Николаев: лысый, худой, интеллигентного вида молодой человек с пронзительным взглядом, от которого становилось не по себе. Впрочем, людям с чистой совестью его сурового взгляда бояться было нечего.

Когда группа Бахматова вернулась в МУР и проходила по коридору, то услышала из-за закрытой двери кабинета начальника МУРа Николаева женские выкрики. В них явно чувствовались истерические нотки. Время от времени выкрики переходили в настоящий истошный визг. Голоса самого Николаева не было слышно. Жора задержался у двери, но Коля Осипов резко дернул его за рукав:

пошли, дескать, быстрее от греха. А через несколько мгновений из кабинета Николаева буквально вылетела разъяренная женщина со взглядом мегеры: золоченое пенсне у нее было сбито набок, черные вьющиеся волосы прилизаны, как у трактирного полового, что с введением новой экономической политики опять заполнили коммерческие трактиры и рестораны. Следом за разъяренной носительницей пенсне быстро вышел худой человек в сапогах бутылками и во френче едва не до колен. На худощавом лице усы и узкая бородка, как у Феликса Дзержинского. Парочка скорым шагом устремилась к выходу и мгновенно пропала за коридорным поворотом.

Мастер фотографических дел Еремин буквально дематериализовался вместе со своим аппаратом и штативом, а Саушкин, проводив взглядом странную парочку, серьезно заявил:

– Господа, я вынужден вас покинуть в связи с назревшими неотложными делами.

Своих сослуживцев Владимир Матвеевич называл «господами» тогда, когда назревали серьезные неприятности.

– Коля, а кто это был? – спросил Стрельцов Осипова, когда женщина в пенсне и мужчина с усами и бородкой скрылись за поворотом.

– А ты не знаешь? – удивленно выпучил на него глаза Николай.

– Нет, – просто ответил Жора и для убедительности пожал плечами. – Мало ли...

Осипов еще немного поудивлялся, после чего, понизив голос, произнес с наставническими нотками и явным осуждением:

– Женщина – это наш секретарь Замоскворецкого райкома большевистской партии и знаменитая революционерка Розалия Самойловна Землячка. Подпольный псевдоним у нее – Демон. Слышал о такой?

– Слышал, – кивнул Жора, что-то припоминая. – А кто таков мужчина во френче?

– Это ведь про нее Демьян Бедный написал:

От канцелярщины и спячки
Чтоб оградить себя вполне,
Портрет товарища Землячки
Повесь, приятель, на стене!

Бродя потом по кабинету,
Молись, что ты пока узнал
Землячку только на портрете,
В сто раз грозней оригинал!

- Так ты еще и стихами увлекаешься?

- Есть такое дело... А мужчина во френче, - Николай со значением помолчал, продолжая осуждающе глядеть на Стрельцова, - это Медведь.

- В смысле «медведь»? - не совсем понял Колину фразу Жора. - Вроде бы фигура у него совсем даже не медвежья.

- В смысле, фамилия Медведь... Медведь Филипп Демьянович, - ответил Осипов едва ли не шепотом. - Начальник Московского ОГПУ.

- Понял, - в тон ему приглушенно сказал Жора.

Саушкин не случайно назвал Бахматова, Осипова и Стрельцова «господами». Как только Владимир Матвеевич завернул в свое дактилоскопическое бюро, плотно прикрыв дверь, из своего кабинета вышел Николаев и, испепеляя взглядом одновременно всю группу Бахматова, рявкнул:

- Все ко мне! Живо!

В обширном кабинете начальника Московского управления уголовного розыска почти сохранилась прежняя обстановка: два стола, составленные буквой «Т». За столом, что покороче, стояло большое кресло с высокой деревянной спинкой, обитое черной затертой кожей. За длинным столом - деревянные стулья,

обтянутые некогда малиновым ситцем, который напрочь выцвел и принял грязновато-розовый цвет. В углу за креслом начальника возвышался несгораемый шкаф «Меллер» весом не менее девяноста пудов. Что держал в нем начальник Московской сыскной полиции статский советник Аркадий Францевич Кошко, оставалось глубокой тайной. Равно как и то, что хранит в нем сейчас начальник Московского управления уголовного розыска Иван Николаевич Николаев.

За его спиной на стене темнело большое прямоугольное пятно. Некогда здесь висел портрет помазанника божьего, государя-императора Николая Александровича, который был снят за ненадобностью после Февральской революции. Не было в живых ни самого царя Николая, ни его семьи, империя также «приказала долго жить», а вот пятно на стене осталось. Совсем скоро его закроят новым портретом.

– Садитесь, – раздраженно бросил Иван Николаевич и первым устроился в кресло. Нетерпеливо поерзав, обвел присутствующих острым взглядом и, остановив взор на Леониде Бахматове, произнес: – Партия и Наркомат внутренних дел крайне недовольны нашей работой. Вернее, нашей бездеятельностью. А в конкретном случае – вашей бездеятельностью, уважаемый Леонид Лаврентьевич. Два года кто-то безнаказанно убивает людей. Раньше он прятал их тела в развалинах домов, теперь же настолько обнаглел, что спокойно сбрасывает их в Москву-реку, как какой-то ненужный хлам. И правда, чего ему бояться, если его никто не ищет! Ведь так, товарищ Бахматов?

Николаев буквально вонзил свой взгляд, будто бы заточенную шпагу, в старшего инспектора первой бригады. Но Леонид Лаврентьевич взгляд выдержал. Был он из потомственных рабочих, юлить не умел и не собирался этому учиться, поэтому ответил быстро и просто:

– Нет, не так, товарищ Николаев.

– А что не так? – продолжал остро смотреть на Бахматова начальник Московского управления уголовного розыска. И язвительно добавил: – Поясните мне, несведущему!

– Не выяснены личности убитых. Это затрудняет поиск убийцы, – глядя прямо в глаза начальника МУРа, ответил Леонид Лаврентьевич. – Пока из убитых нам

известны только двое: это лошадиный барышник Толмачев, труп которого был найден в прошлом году на Шаболовке, и известный на Москве спекулянт Осип Ковальчук. Его труп был найден в Москве-реке осенью прошлого года. Удалось выяснить только, что оба они промышляли в основном на Смоленском рынке. Никаких ниточек, которые бы привели к нашему убийце, обнаружить не удалось...

– А остальные личности убитых, выходит, так и остались неопознанными? – отвел наконец взгляд от Бахматова Иван Николаевич.

– Так точно, – по-военному ответил Леонид Лаврентьевич. – Заявлений о пропажах этих лиц не поступало, что позволяет сделать вывод о том, что все они приезжие.

– А поехать по окрестным селам да деревням и провести опрос населения о пропавших без вести мужиках вам в голову не пришло? – нахмурил брови Николаев.

– Иван Николаевич, но поймите нас тоже, дел и так невпроворот, – сказал Бахматов. – У нас катастрофически не хватает людей. Если по деревням начнем разъезжать, это ж сколько времени потребуется? А кто тогда в Москве убийствами да разбоями будет заниматься? У нас же есть группа, занимающаяся уголовными делами по губернии. Пусть ее уполномоченные и поедят по селам да деревням и выяснят, кто пропал и когда. А фотографии убитых я передам им. Может быть, кто-то их узнает.

– Хорошо, я распоряжусь, – кивнул Николаев. – Но и с вас задачу по выяснению личностей убитых я не снимаю. И искать, искать этого душегуба днем и ночью! Шутка ли, порешить два десятка человек!

– Мы считаем, что таковых больше, Иван Николаевич, – после небольшой паузы произнес Леонид Бахматов. – Есть предположение, что убийца не только прятал трупы в развалинах домов или сбрасывал в реку, но и закапывал в укромных местах.

– Предположение у них, – недовольно проворчал Николаев. – Ну, так ищите, где он мог закопать! А то по Москве слухи уже всюду идут, что новая власть не способна найти убийцу, загубившего столько душ, а вот сыскная полиция при

царе, мол, всегда таких находила. Так говорят. И у меня создается впечатление, что говорят люди правильно. Так что надо отыскать и изобличить преступника в самые кратчайшие сроки. Это приказ! Его поимка – вопрос, как вы сами понимаете, уже политического характера... А с Землячкой ссориться... – Он выждал паузу и продолжил: – Я бы ни вам, ни себе не советовал. Вы понимаете, о чем я?

– Да, Иван Николаевич. Вот только нам бы с транспортом помочь, – пользуясь моментом, закинул удочку Бахматов. – И с людьми.

– А Стрельцов что, не тянет? – посмотрел на Жору Николаев.

– Тянет, – ответил Бахматов. – Но нам бы еще парочку агентов. Он один не поспевает.

– Скажите спасибо и на этом, – безапелляционно ответил начальник угро. – В других бригадах вообще по два человека работают... Ладно, с транспортом для вас я что-нибудь придумаю. – Он снова немного помолчал и уже спокойнее добавил: – А что можете сказать вы об этом убийце? Есть какие-нибудь версии?

– Есть. – Бахматов обвел глазами свою группу и начал официальным тоном: – Все найденные жертвы были убиты ударом твердого предмета по голове. В результате чего были проломлены черепа в области темени, и смерть в большинстве случаев наступала практически мгновенно. Однако убийца как бы на всякий случай душил свои жертвы веревкой, после чего связывал их и засовывал в мешок. Характер удара, а также вязка трупов позволяют нам сделать вывод, что во всех случаях действовал один и тот же человек. Скорее всего убийца – одиночка. Это сильный, хитрый и безжалостный преступник, возможно, с нездоровой психикой.

– Так, – буркнул Николаев. – Но ничего нового вы мне пока не сказали. И психика у него вполне здоровая, если за все это время вы его не поймали и даже не знаете, где его искать. Он продумывает каждое свое убийство и даже следов не оставляет.

– Ну, кое-что нам удалось выяснить, – не согласился с выводами начальника МУРа Леонид Лаврентьевич. – Сегодня при осмотре мешка, в котором находилось тело, опознавателем Саушкиным было обнаружено несколько зерен овса. Кроме

того, он заметил, что такими характерными узлами на веревках, которыми были связаны трупы, пользуются извозчики. А это позволяет нам вполне определенно заключить, что...

- Так, может, мне Саушкина сделать старшим инспектором вашей группы, - не без сарказма произнес Николаев, не дав договорить Бахматову, - а вас определить при нем простыми разыскными агентами? Пользы, полагаю, будет больше...

- Это ваше полное право, - с некоторым вызовом ответил Леонид Лаврентьевич.

- Ладно, продолжайте, - махнул рукой Иван Николаевич, и этот жест скорее всего означал: «Лучше бы ты помолчал со своими высказываниями».

- Нахождение в нескольких мешках овсяных зерен плюс узлы, которые вяжут извозчики, позволяют выдвинуть версию, что убийца либо торгует фуражом для лошадей, либо он конюх или извозчик. То, что он извозчик, будет вернее, поскольку нахождение трупов в мешках в разных частях города свидетельствует о наличии у убийцы транспортного средства. Такова, Иван Николаевич, наша основная версия.

- Это уже кое-что, - отозвался на слова старшего инспектора Бахматова Николаев. - И что вы намерены предпринять?

- Будем искать убийцу среди извозчиков, - ответил Леонид Лаврентьевич.

Обязанности по розыску убийцы были распределены следующим образом: старший инспектор Бахматов вместе с группой Дмитрия Горшкова, занимающейся убийствами, разбоями, грабежами и прочими уголовными преступлениями по Московской губернии, ищут для опознания родственников или знакомых убитых.

Субинспектор уголовного розыска Коля Осипов занимается лошадиниками и лабазниками, а агент уголовного розыска Жора Стрельцов - московскими извозчиками, коих в столице, как оказалось, было почти пять с половиной тысяч.

– Как же мне переговорить с несколькими тысячами! На это полгода уйдет, – посетовал Жора.

– Разве это много? – усмехнулся Николай.

– Очень много. А потом ведь каждого из них еще отыскать нужно, они ведь все время в разъездах.

– Это не много, – не согласился со Стрельцовым Осипов. – И за это скажи спасибо Гучкову.

– С какой это стати мне говорить спасибо октябристу и монархисту Гучкову? – удивился Стрельцов.

– Да не тому Гучкову, что звался Александром и был военно-морским министром Временного правительства, – засмеялся Николай, – а его брату, Николаю Гучкову, московскому городскому голове. Это благодаря его стараниям в Первопрестольной появились трамваи. Если бы трамваев в Москве не было, Георгий, то извозчиков было бы тысяч пятнадцать, а может, и все двадцать. Вот это действительно очень много... Так что, дерзай!

Извозчичьих бирж на Москве было несколько десятков. Крупные биржи легковых извозчиков находились на Дмитровке, на Страстной площади через дорогу от памятника Пушкину, у Гостиного Двора, на Театральной и Лубянской площадях, у Триецких ворот, на многолюдной и торговой Ильинке, у театров, банков, вокзалов и гостиниц, а более мелкие извозчицьи биржи – у перекрестков и на въездах на шоссе и тракты.

Ломовые извозчики группировались преимущественно у вокзалов, стояли поодаль от легковых на Ильинке, у Гостиного двора и, конечно, на Лубянской площади. Словом, можно было бы сносить не одну пару сапог, хаживая по биржам извозчиков, ежели бы начальник МУРа не распорядился выделить на бригаду Бахматова извозчика с пролеткой. И каждый день то Жора, то Коля Осипов, расположившись на заднем сиденье пролетки, как большие начальники, вылетали на улицу со двора дома Еропкиной, где находилось Московское управление уголовного розыска, и старорежимный кучер в поношенной атласной поддевке зычно кричал на всю ивановскую:

– По-береги-и-ись!

Поездки по извозчичьим биржам результата не дали. Да и о чем было спрашивать извозчиков? Не ведают ли они о своем коллеге, который высматривает клиентов побогаче, затем сажает их в свою пролетку, везет к себе домой, где забивает бедолаг до смерти заготовленным топориком?

Разумеется, многие извозчики предпочитают состоятельных седоков, однако в отличие от преступника они везут их не к себе домой, а по названному адресу. В общем, после нескольких дней розыска стало понятно, что извозчицьи биржи ничего не дадут. К тому же по закоренелой традиции извозчики никогда не были откровенны с сотрудниками правопорядка, из некоторых кучеров приходилось вытаскивать слова едва ли не клещами, а другие возницы просто съезжали со стоянки, узнав, о чем идет разговор. Словом, извозчицьи биржи оказались полной «пустышкой».

Больше повезло Коле Осипову. Но здесь большую роль сыграли служба в милиции и оперативный опыт – Николай успел полгода поработать районным уполномоченным, в двадцать первом году стать агентом МУРа, раскрыть два убийства, более сорока краж и разбоев, пройти за полтора года три ступени, начиная от агента уголовного розыска третьей категории до субинспектора, и попасть в первую «убойную» бригаду Леонида Лаврентьевича Бахматова.

В известном на всю Москву Гусенковском извозчицьем трактире Николай на четвертый день своих поисков подсел к двум пожилым кучерам, неспешно распивавшим чай с мягкими рогаликами. Слово за слово и Стрельцову удалось узнать, что оба возчика бывают время от времени на Конной площади, которая, по выражению одного из них, уже «не та после постройки Морозовской детской больницы, но лошадок и по сей день на ней продают и покупают». Еще этот извозчик рассказал о том, что часто там бывают барышники и приезжие, желающие купить лошадь. И что на лошадином рынке он дважды в прошлом году видел мужика, приезжающего на пролетке и желающего вроде бы как продать свою кобылу.

– Первый раз я его увидал, кажись, в апреле. Кобылка его мне уж шибко приглянулась, потому я его и запомнил. А второй раз уже в сентябре, кажись, было. Он ценами на лошадок интересовался...

– А как он выглядел? – быстро спросил Коля. – Ну, рост там, возраст...

– Так я, стало быть, больше лошадь запомнил, нежели его, – почесав заросший подбородок, ответил извозчик. – Он баба, что ли, чтобы его так шибко разглядывать? Могу точно сказать одно: не молоденький. Степенный такой дядька.

– Ага, не молоденький, – подтвердил второй извозчик. – Нашего где-то возрасту.

– А вам по сколько? – посмотрел на мужиков внимательным взглядом Коля.

– Мне сорок пять годков, – отчего-то с некоторой грустью ответил первый извозчик. – А Антип Маркелыч, – кивнул он в сторону второго, – почти на пять годков старше меня будет.

– Значит, возраст того мужика, что вы видели на конном базаре, сорок пять – пятьдесят лет, – скорее констатировал, нежели спросил Осипов.

– Ага, ему точно больше сорока, но, кажись, поменее пятидесяти будет, – ответил второй извозчик. – Мне его хорошо удалось разглядеть. Жилистый он такой... Крепкий. С физической работой знаком.

– Вы что, разговаривали с ним?

– Не то чтобы говорил, – замялся извозчик. – Когда он с другим мужиком объяснялся, то я рядом стоял. Ну и слышал все.

– А что «все»? – Каким-то внутренним чувством, какое вырабатывается только в оперативной работе, Николай понял, что набрел на верный след.

Извозчик степенно отпил чаю, посмотрел на Колю весьма снисходительно и поведал вот такую историю...

– Пришел я, значица, на базар на Конную площадь к лошадушкам прицениться, узнать, что почем. Хожу по базару, приглядываюсь... Лошадей мало нынче торгуют, больше все клячи захудалые, шкура да кости, смотреть не на что! Либо старые донельзя. Ежели их покупать, так только для того, чтобы сразу на

живодерню вести. И тут вижу: кобылку под уздцы какой-то мужик ведет. Кобылка вся такая ладная, ухоженная, явно чистых кровей. Подошел он к одному мужику, что старого мерина продавал, поговорил с ним малость. Верно, о том, что мерина таво аккурат на живодерню пора вести, а не торговать им. Да-а...

Извозчик снова отхлебнул чаю, пожевал рогалик.

– Ну а дальше... А дальше-то что, – нетерпеливо проговорил Коля.

– А дальше к нему, стало быть, мужик подошел годов этак тридцати. По виду приезжий. Сапоги еще на ём были юфтяные с набором и поддевка суконная. Сразу видно, что при деньгах паря. Спросил, значица, продает ли он свою кобылу. Жилистый и отвечает: продаю, мол.

«А почему?» – вопрошает тот, что в юфтяных сапогах.

«Это смотря чем расплачиваться будешь», – отвечает жилистый.

Отошли они в сторонку от глаз чужих и ушей. А я, значит, тихонько за ними побрел.

– И они тебя не заметили?

– Не заметили, я за их спины зашел, сделал вид, что базар будто бы оглядываю, интересное что-то выискиваю. А сам уши наострил. Шибко мне интересно стало, сколь за такую славную кобылку жилистый денег запросит. Ну, мужик в юфтяных сапогах и говорит: дескать, деньги у меня есть какие хошь, хоть старые, хоть новые. Жилистый же ему: «керенки» и совзнаки-де мне ни к чему. А вот ежели ты червонцами за кобылу заплатишь, так будет в самый раз. На что приезжий ему: дескать, как скажешь, согласен заплатить червонцами. Лошадь, мол, в хозяйстве шибко надобна.

Извозчик снова откусил от макового рогалика и запил его чаем. Он никуда не торопился, в трактире ему нравилось, и был он здесь частым гостем. Зато Николай спешил: то, что он уже узнал, было крайне важно. А извозчик, похоже, еще кое-что знал про этого человека, столь интересующего уголовный розыск.

И Коля снова нетерпеливо произнес:

– Дальше-то что было, дядя?

Извозчик покосился на Колю, как смотрят порой взрослые на надоедливых шаловливых детей. Взгляд его можно было прочесть так: вечно вы, молодые, куда-то торопитесь. Уважить нужно старость, почтение проявить, а потом и лезть с разными расспросами. Наконец он снизошел и ответил:

– А дальше они, значаца, про войну говорить стали. Воевали обои, как оказалось, вместе, чуть ли не в одном полку.

– Получается, этот мужик жилистый, что кобылу продавал, воевал? – Николай впился взглядом в извозчика: – А за красных или за белых?

– Сказал, что за красных, – ответил тот и, видя нетерпение собеседника, продолжил: – Потом жилистый выпить предложил за встречу. Угощаю, говорит, как своего брата-фронтовика. Мол, вместе кровь проливали за Советскую власть. Приезжий супротив этого ничего не имел. Да и кто выпивки дармовой противиться станет? – усмехнулся он.

– Это точно! – охотно поддакнул первый извозчик.

– Ну а потом жилистый предложил к нему домой пойти, чтоб, значаца, чин по чину купчую совершить да обмыть покупку-продажу. И оне пошли.

– А куда пошли-то, в какую сторону? – загорелся Коля.

– А мне почем знать? – недоуменно посмотрел на него извозчик. – Жилистый сказал: мол, я тут недалеко живу...

– А где живет, не сказал?

– Может, и сказал, мил-человек, да я не слышал, – рассудительно ответил извозчик. – Чего же я около них тереться-то буду, у меня, чай, свои дела имеются. А еще жилистый сказывал, что кобылка евоная чистых владимирских кровей будет. И что, дескать, дома у него на это дело и пашпорт, значаца,

имеется...

Осипов какое-то время молча смотрел на извозчика. Потом спросил:

– Когда это было?

– Да с неделю назад, может, поменее.

– А если вспомнить? – потребовал Осипов.

– Ну, когда... – Извозчик задумался. – Дён пять точно прошло.

– Точно пять дней? – переспросил Николай.

– Точно. Ко мне перед тем сват приходил, так мы с ним немного перебрали, голова у меня болела. Вот я и пошел на базар. Думал, проветрюсь как-то, а заодно лошадок посмотрю.

«Четыре дня назад из Москвы-реки выудили труп в мешке, – размышлял Николай. – При обследовании мешка в нем обнаружилось несколько овсяных зернышек. Выходит, жилистый увел к себе в дом приезжего покупателя. Значит, это тот самый, которого так ищет уголовный розыск? Неужто нашлась ниточка, потянув за которую, можно выйти на убийцу?»

– А как он выглядел? – снова спросил Коля.

– Кто?

– Да мужик тот жилистый.

– Как, как, – проворчал извозчик. – Да обнокновенно он выглядел. Ну вот как, значица, мы выглядим.

Коля посмотрел на говорившего и его товарища и кивнул:

– Значит, с усами и бородой?

– Усы – да, а борода не борода, а так, бородка с сединой, – уточнил второй извозчик. – Не растет у него волос, так бывает.

– А росту он был какого? – продолжал допытываться Коля. Высокий, низкий или росту среднего?

– Пожалуй, что среднего, – немного подумав, ответил извозчик. – Может, слегка поболее...

– А узнать ты его сможешь, дядя?

– Ну, ежели ты его передо мной поставишь, вот так, к примеру, как ты щас передо мной сидишь, так, пожалуй, что и узнаю, – сказал извозчик, чуть помедлив.

Больше ничего путного от него Осипов не услышал. Расспросив, где извозчики проживают и в каком месте их при надобности можно отыскать, Николай попрощался с ними и покинул извозничий трактир.

Вечером вернулся из района Леонид Бахматов. Выглядел он уставшим, но, кажется, удовлетворенным. Видимо, что кое-какие сведения о пропавших он все-таки раздобыл. Еще более довольным смотрелся Коля Осипов. Уже через час старший инспектор бригады позвал к себе в кабинет на совещание всех оперативников, персонально пригласил Владимира Саушкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/suhov_evgeniy/loshadinaya-doza

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)